

Павел КАПЛЕВИЧ — ОТ МУХОМОРА ДО МОНСТРА

Один из самых модных театральных художников Москвы работал с фундаментальной Галиной Волчек, мифическим Анатолием Васильевым, принимал участие в кассовых проектах богемного Олега Меньшикова и экстремального Владимира Мирзоева. Среди его киноработ — «Такси-блюз», «Луна-парк», «Мама», сериал «Похождения Красной туфельки», «Моя морячка». С недавних пор Каплевич еще и продюсер. Первая работа на этом поприще — премьера прошлого сезона — спектакль «Опыт освоения пьесы «Чайка» системой Станиславского», совместный проект с украинским режиссером Андреем Жолдаком. Их сотрудничество продолжилось, вскоре появятся спектакли «Гамлет» и «Ревизор». Каплевич работает также с Аллой Сигаловой над балетом «Красные и черные танцы».

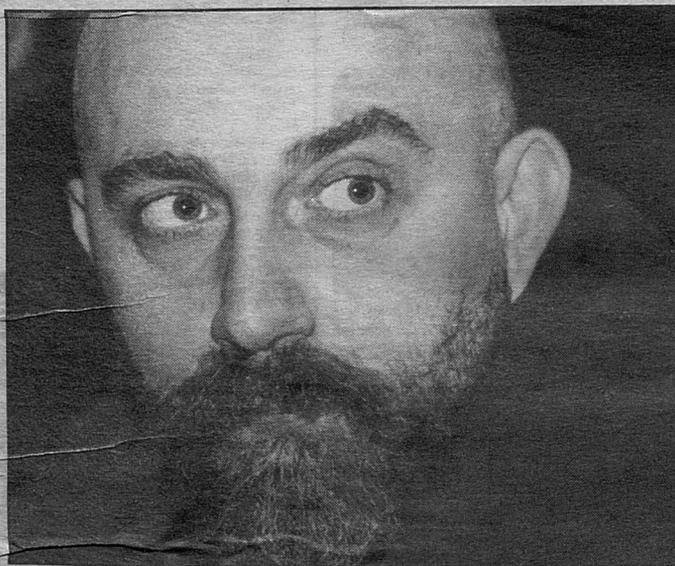

ФОТО МИХАИЛА ТУШЕВА

— Как создавался спектакль «Чайка»?

— Идея возникла у Жолдака. Мне она понравилась. Мы хотели попробовать вернуться к истокам. «Чайка» — это символ МХАТа и всего нового в искусстве. Но пьесе больше ста лет, и то, что было ново тогда, сейчас уже не актуально. Мы делали спектакль о том, что такое новое сегодня.

Сейчас нам предстоит поездка сразу на шесть фестивалей. В Москве мы сыграем «Чайку» 11 апреля в рамках фестиваля «Золотая маска».

— Какую из своих работ вы считаете наиболее удачной?

— Мне не хотелось бы выделять ни одну. Но до сих пор самые трепетные воспоминания связаны с «Нижинским», которого мы делали с Меньшиковым и Феклистым. С фильмом «Анна Карамазов» Рустама Хамдамова. Хотя на экраны он не вышел и вообще у него странная судьба.

— Известно, что режиссеры — трудные люди. Как вам удается с ними ладить?

— Уже не удается. Был момент, когда я заставлял себя пристраиваться, а сейчас работаю только с теми, с кем мне комфортно. Как только

возникает скука или неудобство — или я линияю, или от меня отказываются. Я человек с достаточно сильной энергетикой. У меня неуживчивый характер. Один режиссер, мой друг, сказал: «Паш, ты когда заходишь, характер на вешалке оставляй».

— Значит, с вами нельзя спорить?

— Почему, можно. Если что-то интересно и меня убедят в этом... Я открыт. Всегда приятно работать с теми, с кем дело идет джазовым способом, импровизационно. Не со всеми, конечно, это удастся. Но я стараюсь строить отношения на любви. Бывает, что любовь покрывает все, даже отсутствие общих взглядов в творчестве. Есть любовь к человеку, к его индивидуальности, его душе — и ты уже связан с ним. Тут ничего не поделаешь, логикой бытовой или профессиональной это уже не обусловлено.

— Как и когда вы впервые попали в театр?

— Я родился и вырос в Туапсе. Помню цирк-шапито, который стоял возле вокзала, я лазил там, когда его строили. Там же снимали фильмы «Бриллиантовая рука» и «Последние дни Помпеи». Я бегал на съемки, мечтал быть братом Яшицыгана из «Неуловимых мстителей». Когда мне было восемь лет, я в пионерском лагере сыграл Мухомора. Это было мое первое сильное впечатление от театра, и по возвращении домой я пошел искать какие-нибудь драмкружки.

Сначала я хотел работать в кукольном театре. Делал кукол. В семнадцать лет поехал в Москву, поступил в Школу-студию МХАТ на актерский. Но я с самого начала был слишком свободным, это раздражало всех окружающих. Потом, в двадцать три года, вдруг начал рисовать.

— Вы нашли себя?

— Ищу. Конечно, что-то уже нашел. Мне живется не скучно, и думаю, тем, кто рядом со мной, тоже. У меня есть возможность общаться с замечательными людьми, работать в классных театрах, создавать красивые вещи, одежду. Вокруг меня много теплых людей, которых я люблю и которые, надеюсь, любят меня. Я, правда, так устроен, что мне все время тесно в рамках моей жизни, хочется расширить ее границы. Я уже кем только не был... Даже в течении одного дня иногда сам не очень понимаю, кто я и чем занимаюсь.

— У вас есть любимая страна?

— Да. Россия. По настоящему любимая, к сожалению. С моей профессией мне было бы гораздо проще за границей. Я мог бы заниматься модой, но в нашей стране это очень тяжело, нет менеджмента, который бы этот бизнес обслуживал. В прошлом году на фестивале «Альба мода» я получил премию «Король авангарда». Иностранные модельеры были поражены тканями, из которых была сшита одежда, но при этом мой бизнес никуда не двинулся.

— Как вы относитесь к имиджу, который создала вам пресса?

— Конечно, бываю монстром. Иногда журналисты приходят такие, что их поганой метлой надо выгонять, а приходится общаться. Раньше с ними ссорился даже из-за одного слова, а теперь стараюсь этого не делать. Я понял, что чем злее пишут, тем лучше и звонче образ. А нейтральные или благостные статьи, которые льют патоку, в результате ничего не дают. Ведь нужно найти фишку. А для бизнеса мне выгоднее быть монстром. Я не ягненок, это точно.